
ЭКОНОМИКА

**Трансформация социальной инфраструктуры
сельских территорий России в условиях демографических изменений**

Сергей Владимирович Митрофанов✉

Высшая школа экономики, Москва, Россия

✉ Автор, ответственный за переписку: smitrofanov@hse.ru

Аннотация

Современные сельские территории России находятся в состоянии глубокого системного кризиса, обусловленного устойчивой депопуляцией, институциональной деградацией и нарастающей социально-экономической маргинализацией. В статье отражен выявленный на основе комплексного анализа официальной статистики за 2000–2025 гг. самовоспроизводящийся механизм упадка сельских сообществ, в котором сокращение социальной инфраструктуры: образования, здравоохранения и культуры – выступает не следствием, а катализатором дальнейшей депопуляции. Эмпирически подтверждена региональная типология трансформации инфраструктуры, различающая пригородные, промежуточные и периферийные зоны, и показано, что традиционные подходы к «оптимизации» учреждений усугубляют социальное неравенство и пространственную поляризацию. В качестве альтернативы предложена адаптивная модель социального обслуживания, сочетающая минимальные стандарты доступности, гибридные (очно-дистанционные) и мобильные форматы предоставления услуг, а также дифференцированные региональные стратегии развития. Научная новизна исследований заключается в выявлении и описании механизма взаимного усиления демографического и институционального кризиса, а также в разработке концептуальных основ для преодоления «порочного круга» деградации сельских территорий через парадигму сохранения качества жизни как основы устойчивого развития.

Ключевые слова

сельские территории, институциональная деградация, демографический кризис, социальная инфраструктура, депопуляция, образовательные учреждения, медицинское обслуживание, культурные учреждения

Благодарности

Исследования выполнены в рамках проекта «Зеркальные лаборатории» НИУ ВШЭ: «Качество жизни на сельских территориях: эволюция, оценка, перспективы».

Для цитирования

Митрофанов С.В. Трансформация социальной инфраструктуры сельских территорий России в условиях демографических изменений // *Известия Тимирязевской сельскохозяйственной академии*. 2026. № 1. С. 170–185.

Transformation of social infrastructure in rural Russia amid demographic changes

Sergey V. Mitrofanov✉

Higher School of Economics, Moscow, Russia

✉ **Corresponding author:** smitrofanov@hse.ru

Abstract

Contemporary rural areas in Russia are experiencing a profound systemic crisis characterized by persistent depopulation, institutional degradation, and intensifying socio-economic marginalization. Based on a comprehensive analysis of official statistics for the 2000–2025 period, this paper identifies a self-perpetuating mechanism of rural community decline, wherein the reduction of social infrastructure – specifically education, healthcare, and culture – serves not merely as a consequence but as a catalyst for further depopulation. The study empirically validates a regional typology of infrastructure transformation, distinguishing between suburban, intermediate, and peripheral zones. It demonstrates that traditional approaches to institutional “optimization” exacerbate social inequality and spatial polarization. As an alternative, an adaptive social service model is proposed, which integrates minimum accessibility standards, hybrid (in-person and remote) and mobile service formats, and differentiated regional development strategies. The scientific novelty of the research lies in the identification and description of the mutual reinforcement mechanism between demographic and institutional crises. Furthermore, it develops conceptual frameworks for overcoming the “vicious cycle” of rural degradation by adopting a paradigm that views the preservation of quality of life as the foundation for sustainable development.

Keywords

rural areas, institutional degradation, demographic crisis, social infrastructure, depopulation, educational institutions, healthcare, cultural institutions

Acknowledgments

The research was performed as part of the HSE Mirror Laboratories project: “Quality of Life in Rural Areas: Evolution, Assessment, Prospects”.

For citation

Mitrofanov S.V. Transformation of social infrastructure in rural Russia amid demographic changes. *Izvestiya of Timiryazev Agricultural Academy*. 2026;(1):170–185.

Введение Introduction

Современные сельские территории России переживают глубокий системный кризис, характеризующийся устойчивой депопуляцией, институциональной деградацией и нарастающей социально-экономической маргинализацией. Истоки этого кризиса уходят корнями в позднесоветский период, однако его качественное обострение произошло после распада СССР, когда сформировался феномен «русского креста» – устойчивого превышения смертности над рождаемостью, ставшего демографическим маркером постсоветской трансформации.

Экономические потрясения последних 30 лет последовательно усугубляли кризисное состояние сельских территорий. Либерализация цен начала 1990-х гг., сопровождавшаяся гиперинфляцией и массовым банкротством сельхозпредприятий, разрушила экономическую основу существования села [1, 2]. Дефолт 1998 г., вызвавший четырехкратную девальвацию рубля и резкий рост цен на сельхозтехнику, еще больше подорвал производственный потенциал аграрного сектора [3, 4]. Мировой финансовый кризис 2008–2009 гг. и санкционное давление в период после 2014 г. привели к сокращению инвестиций, удорожанию кредитных ресурсов и технологической изоляции, что особенно болезненно сказалось на модернизационных процессах в сельском хозяйстве [4–6].

Демографическая динамика сельского населения за период 1990–2025 гг. свидетельствует о катастрофических изменениях. Численность сельских жителей сократилась на 11,5% – с 40,7 млн чел. до прогнозируемых 36,0 млн чел. При этом наиболее тревожным является качественное изменение структуры населения. Происходит стремительное старение: соотношение лиц пенсионного возраста к детям достигло 3,5:1; формируется выраженный гендерный дисбаланс (в отдельных регионах на 100 мужчин трудоспособного возраста приходится 142 женщины). Особую проблему представляет устойчивый миграционный отток молодежи, по разным оценкам превышающий 30% среди выпускников сельских школ [7, 8].

Пространственная дифференциация демографических процессов приобретает угрожающий характер. В то время как пригородные территории, интегрированные в городские агломерации, демонстрируют относительную устойчивость (миграционный прирост составляет +12,6‰), периферийные районы переживают катастрофическую депопуляцию (отток – 6,4‰). Эта диспропорция особенно усилилась после 2022 г., когда приграничные регионы столкнулись с дополнительным 15–20%-ным увеличением миграционного оттока [8]. Экономическая сфера характеризуется ростом доли натурального хозяйства, увеличением маятниковой и вахтовой миграции, скрытой безработицы, а также снижением реальных располагаемых доходов населения [9–11].

Новым испытанием стала пандемия COVID-19 (2020–2022 гг.), которая, несмотря на временный отток горожан в сельскую местность, усугубила системные проблемы. Рост смертности по причине ограниченного доступа к медицинской помощи, по разным оценкам, увеличил естественную убыль сельского населения на 18–22%. Социально-экономические последствия включали в себя рост доли населения за чертой бедности, кризис здравоохранения (рост смертности по причинам, не связанным с COVID, на 15–20% [12, 13].

Пандемия также обострила цифровое неравенство: на удаленный формат работы в России были переведены до 90% школ; согласно опросам 85% учителей были не готовы к переходу на дистанционное обучение. При этом, по разным оценкам, лишь 41% сельских школ смогли организовать онлайн-обучение, а перенаправление бюджетов на борьбу с вирусом сократило финансирование программ сельского развития.

Особого внимания заслуживает анализ влияния специальной военной операции на Украине на демографическую ситуацию в сельской местности. Мобилизационные мероприятия привели к существенному оттоку трудоспособного мужского населения, дополнительно усугубив гендерный дисбаланс. Перераспределение бюджетных ресурсов в пользу оборонных нужд сократило финансирование программ сельского развития, а усиление миграционных процессов в приграничных регионах способствовало созданию дополнительных вызовов для их социально-экономической стабильности [14–16].

Помимо прямого демографического воздействия, специальная военная операция оказала комплексное влияние на репродуктивные установки населения, вызвав массовую отсрочку деторождения по причине социально-экономической неопределенности, снижение брачной активности в условиях демографического дисбаланса, трансформацию структуры рождаемости с ростом внебрачных рождений и повышением возраста первородящих, а также распространение тревожных и пессимистичных репродуктивных настроений среди молодежи [17, 18].

Рассмотренные демографические и институциональные изменения сельских территорий России требуют системного анализа, позволяющего выявить глубинные механизмы их деградации. В данном контексте особую значимость приобретает исследование взаимосвязи демографического кризиса с состоянием социальной инфраструктуры, а также поиск эффективных путей восстановления сельских сообществ. Представленная работа направлена на решение этой комплексной задачи через призму современных социально-экономических реалий.

Цель исследований: выявление и описание механизма взаимного усиления демографического и институционального кризиса, разработка концептуальных основ для преодоления «порочного круга» деградации сельских территорий через парадигму сохранения качества жизни как основы устойчивого развития.

Методика исследований

Research method

В ходе исследований был проведен комплексный анализ динамики социальной инфраструктуры сельских территорий России на основе данных официальной статистики за период 2000–2025 гг. Основными источниками информации стали статистические сборники Росстата, ведомственные отчеты Министерства просвещения, Министерства здравоохранения и Министерства культуры Российской Федерации.

Исследования базировались на системном анализе количественных показателей, характеризующих развитие трех ключевых сфер социальной инфраструктуры: образования (динамика сети общеобразовательных учреждений); здравоохранения (изменения в системе больничных организаций и фельдшерско-акушерских пунктов); культуры (трансформация сети культурно-досуговых учреждений). Для обеспечения сопоставимости данных использовались единые методические подходы к сбору и обработке статистической информации.

Методологическая основа исследований включала в себя применение как количественных, так и качественных методов анализа. Статистическая обработка данных осуществлялась с расчетом абсолютных и относительных показателей включая определение совокупных среднегодовых темпов роста (CAGR), что позволило выявить устойчивые тенденции развития социальной инфраструктуры. Сравнительный анализ проводился по нескольким направлениям: сопоставление динамики городских и сельских территорий, межрегиональные сравнения, анализ изменений по типам учреждений. Особое внимание уделялось хронологическому анализу, позволившему выделить ключевые этапы трансформации социальной инфраструктуры.

Для оценки социальных последствий наблюдаемых изменений применялся институциональный подход, учитывающий многоуровневые эффекты сокращения инфраструктуры. Интерпретация полученных результатов осуществлялась с учетом современных концепций пространственного развития и региональной экономики.

Результаты и их обсуждение

Results and discussion

Социальные последствия сельской депопуляции носят системный и кумулятивный характер, что наглядно демонстрирует анализ количественных изменений сети общеобразовательных учреждений в сельской местности России. Исследование выявило устойчивую негативную динамику, имеющую далеко идущие социальные последствия (табл. 1).

Анализ статистических данных за период 2000–2025 гг. демонстрирует сокращение количества сельских школ на 53,4% (с 45475 до 21172 учреждений). Данный процесс характеризуется среднегодовым темпом снижения (CAGR) на уровне –3,14%, что существенно превышает аналогичный показатель для городских образовательных учреждений (–1,12%), свидетельствуя о выраженной территориальной диспропорции в развитии образовательной инфраструктуры.

Хронологический анализ позволяет выделить две отчетливые фазы трансформационного процесса. В период 2000–2010 гг. наблюдалась наиболее интенсивная реструктуризация образовательной сети, когда ежегодное сокращение количества сельских школ составляло в среднем 3,6%. Последующий период (2018–2025 гг.) характеризуется относительной стабилизацией, хотя и с сохранением отрицательной динамики на уровне 2,1% в год.

Социальные последствия данной трансформации носят комплексный и многоуровневый характер. В сфере доступности образования отмечается существенное снижение плотности образовательной сети, что выражается в увеличении радиуса обслуживания, необходимости организации подвоза учащихся и в повышении нагрузки на сохранившиеся образовательные организации.

Особую проблему представляет утрата школ как важнейших социокультурных центров сельских поселений, что влечет за собой целый ряд структурных изменений, трансформирующих всю систему социальных отношений в сельской местности. В институциональном аспекте это приводит не только к сокращению рабочих мест для педагогических работников, но и к разрушению сложившейся системы профессиональной социализации и воспроизводства кадров в сфере образования. Утрата школы как центра притяжения существенно снижает инвестиционную привлекательность территорий, поскольку образовательная инфраструктура традиционно рассматривается как базовый элемент качества человеческого капитала и важный фактор при принятии решений о размещении экономической активности.

На уровне повседневных практик это выражается в заметном ухудшении качества жизни местного населения: сокращаются возможности для дополнительного образования детей, ограничивается доступ к культурным мероприятиям, нарушаются сложившиеся социальные связи. Особенно значимым представляется символический аспект данной проблемы: школа в сельской местности исторически выполняла не только образовательные, но и консолидирующие функции, являясь важным элементом локальной идентичности. Ее закрытие приводит к дезинтеграции социального пространства, утрате механизмов межпоколенческой трансляции культурных ценностей и практик.

Кроме того, исчезновение школы как социального института усиливает процессы маргинализации сельских территорий, способствует росту социального неравенства и ограничивает возможности вертикальной мобильности для сельской молодежи. Это создает порочный круг: ухудшение образовательной инфраструктуры ускоряет отток наиболее активного населения, что в свою очередь делает менее востребованными оставшиеся образовательные учреждения. В перспективе такая динамика может привести к формированию устойчивых очагов социальной депривации и образовательного неравенства, что требует разработки комплексных мер социально-экономической политики.

Число образовательных организаций, осуществляющих подготовку по основным программам общего образования*
(таблица составлена автором на основе данных Министерства просвещения Российской Федерации и данных НИУ ВШЭ
// Образование в цифрах: 2023: Краткий статистический сборник / Т.А. Варламова, Л.М. Гохберг, О.К. Озерова и др.;
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». М.: ИСИЭЗ ВШЭ, 2023. 132 с.)

Table 1

Number of educational institutions providing basic general education programs

[Compiled by the author based on data from the Ministry of Education of the Russian Federation and data from the Higher School of Economics (T.A. Varlamova, L.M. Gokhberg, O.K. Ozerova et al. *Education in figures: 2023: a brief statistics digest*. Moscow, Russia: Higher School of Economics, 2023:132. (In Russ.))]

	2000/01	2005/06	2010/11	2018/19	2019/20	2020/21	2021/22	2022/23	2023/24	2024/25	CAGR
Всего	68804	63174	50793	41349	40823	40346	39908	39440	38890	38485	-2,39%
из них											
Города и поселки городского типа	22694	21743	20125	17767	17677	17604	17479	17396	17327	17313	-1,12%
Сельская местность	45475	40705	30668	23582	23146	22742	22429	22044	21563	21172	-3,14%

*Включая организации на капитальном ремонте.

Демографические последствия данного процесса проявляются в ускорении миграционного оттока, особенно среди молодого населения, снижении репродуктивных установок и в прогрессирующем старении сельского населения

Региональная дифференциация процессов институциональной деградации проявляется наиболее выражено в северных регионах, где за последнее десятилетие произошло сокращение сети общеобразовательных учреждений на 20%. Данная динамика формирует самовоспроизводящийся механизм депопуляции: снижение качества образовательных услуг провоцирует миграционный отток наиболее мобильных возрастных когорт (15 лет –24 года), что в свою очередь приводит к дальнейшему сокращению контингента учащихся и экономической нецелесообразности сохранения образовательной инфраструктуры. Возникает замкнутый цикл территориального развития, характеризующийся:

- кумулятивным эффектом – усилением исходных негативных тенденций за счет их взаимного влияния;
- необратимостью изменений – критическим снижением демографического потенциала, делающим невозможным естественное восстановление социальной инфраструктуры;
- пространственной поляризацией – концентрацией человеческого капитала в урбанизированных центрах за счет периферийных территорий [19].

Как следствие, формируются устойчивые предикторы социально-экономической маргинализации сельских территорий: дефицит квалифицированных кадров, снижение инвестиционной привлекательности и утрата потенциала для воспроизводства локальных сообществ.

Современное состояние медицинского обслуживания в сельской местности России также характеризуется устойчивой тенденцией сокращения инфраструктуры, что создает серьезные вызовы для обеспечения доступности здравоохранения. Данные статистики демонстрируют системное уменьшение числа медицинских учреждений, сопровождающееся изменением их структуры и мощности.

За период с 2010 по 2022 гг. общее количество больничных организаций в стране сократилось с 6308 до 5167, CAGR $-1,65\%$ (табл. 2). При этом в сельской местности данный процесс протекает значительно более интенсивно: число сельских больниц уменьшилось с 1 349 до 948 (CAGR $-2,90\%$), тогда как в городах снижение составило лишь $-1,34\%$ в год. Это свидетельствует о глубокой структурной перестройке системы здравоохранения, сопровождающейся концентрацией медицинских услуг в крупных населенных пунктах.

Таблица 2

Динамика показателей развития больничной сети в РФ

(таблица составлена автором на основе данных Росстата без учета статистической информации по Донецкой Народной Республике (ДНР), Луганской Народной Республике (ЛНР), Запорожской и Херсонской областям)

Table 2

Dynamics of hospital network development indicators in the Russian Federation

[Compiled by the author based on Rosstat data (excluding statistical information for the Donetsk People's Republic (DPR), Lugansk People's Republic (LPR), Zaporozhie and Kherson Regions)]

Показатель	2010 г.	2015 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.	CAGR
Всего							
Число больничных организаций	6308	5433	5130	5065	5072	5167	$-1,65\%$
из них негосударственные	224	245	328	344	410	458	6,14%
из них частной формы собственности	115	180	274	294	367	409	11,15%
Число коек в больничных организациях: всего, тыс.	1339,5¹⁾	1222,0¹⁾	1173,6¹⁾	1188,8¹⁾	1162,1¹⁾	1141,9¹⁾	$-1,32\%$
из них в негосударственных организациях	21,7	24,1	29,8	32,7	32,6	36,1	4,33%
из них частной формы собственности	4,1	12,8	20,5	23,3	24,9	28,0	17,36%
Число центральных районных больниц²⁾	1754	1426	1325	1316	1311	1280	$-2,59\%$
в них коек, тыс.	327,1	205,6	177,4	175,4	171,6	164,0	$-5,59\%$

Показатель	2010 г.	2015 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.	CAGR
средняя мощность одной больницы, коек	186	144	134	133	131	128	-3,07%
Число районных больниц²⁾	191	415	416	409	391	396	6,26%
в них коек, тыс.	24,2	54,5	52,6	51,5	49,1	48,4	5,95%
средняя мощность одной больницы, коек	126	131	126	126	126	122	-0,27%
Число участковых больниц²⁾	400	69	32	29	28	21	-21,77%
в них коек, тыс.	11,2	2,2	1,0	0,9	0,9	0,7	-20,63%
средняя мощность одной больницы, коек	28	32	31	31	31	33	1,38%
В городских поселениях							
Число больничных организаций	4959	4397	4186	4136	4146	4219	-1,34%
из них негосударственные	216	239	318	340	398	446	6,23%
из них частной формы собственности	110	176	265	290	355	397	11,29%
Число коек в больничных организациях:							
всего, тыс.	1186,1¹⁾	1060,1¹⁾	1017,6¹⁾	1031,1¹⁾	1009,8¹⁾	991,1¹⁾	-1,49%
из них в негосударственных организациях	20,2	21,8	25,7	29,6	28,7	31,8	3,85%
из них частной формы собственности	3,4	12,1	17,8	21,1	21,8	24,5	17,89%
Число центральных районных больниц²⁾	1027	829	789	784	778	757	-2,51%
Число районных больниц²⁾	112	230	217	208	202	211	5,42%
Число участковых больниц²⁾	18	4	4	4	4	4	-11,78%
В сельской местности							
Число больничных организаций	1349	1036	944	929	926	948	-2,90%
из них негосударственные	8	6	10	4	12	12	3,44%
из них частной формы собственности	5	4	9	4	12	12	7,57%

Показатель	2010 г.	2015 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.	CAGR
Число коек в больничных организациях:							
всего, тыс.	153,4¹⁾	161,9¹⁾	155,9¹⁾	157,6¹⁾	152,4¹⁾	150,8	-0,14%
из них в негосударственных организациях	1,6	2,3	4,1	3,1	3,9	4,3	8,59%
из них частной формы собственности	0,68	0,60	2,70	2,30	3,10	3,40	14,35%
Число центральных районных больниц²⁾	727	597	536	532	533	523	-2,71%
Число районных больниц²⁾	79	185	199	201	189	185	7,35%
Число участковых больниц²⁾	382	65	28	25	24	17	-22,84%

¹⁾ Койки круглосуточных стационаров (без коек в дневных стационарах).

²⁾ В системе Минздрава России.

Особую тревогу вызывает практически полная ликвидация участковых больниц, традиционно игравших ключевую роль в оказании первичной медицинской помощи сельскому населению. За рассматриваемый период их количество сократилось с 400 до 21, а коечный фонд уменьшился в 16 раз – с 11,2 тыс. до 0,7 тыс. коек. Параллельно происходило снижение мощности центральных районных больниц: при сокращении их числа с 1754 до 1280 (-2,59% в год) коечный фонд уменьшился с 327,1 до 164,0 тыс. (-5,59% в год), а средняя мощность одной больницы снизилась со 186 до 128 коек

В условиях сокращения стационарной медицинской сети фельдшерско-акушерские пункты (ФАПы) остаются важнейшим элементом обеспечения первичной медико-санитарной помощи в сельской местности. Однако и их количество демонстрирует устойчивую отрицательную динамику (табл. 3). Так, с 2011 по 2023 гг. общее число ФАПов сократилось с 35043 до 33376 (CAGR -0,41%).

Региональный анализ выявляет существенные различия в динамике данного показателя. Наиболее значительное сокращение наблюдается в Южном (-0,70%) и Уральском (-0,77%) федеральных округах, что может быть связано как с процессами урбанизации, так и с оптимизацией сети медицинских учреждений. В то же время Северо-Кавказский федеральный округ демонстрирует противоположную тенденцию: рост числа ФАПов – на 0,54% в год, что объясняется как демографическими особенностями региона (более высокая рождаемость), так и спецификой расселения.

Сложившаяся ситуация требует разработки комплексного подхода к организации медицинской помощи в сельской местности. С одной стороны, наблюдаемое сокращение стационарной сети является отражением общемирового тренда на оптимизацию здравоохранения, с другой – оно создает риски снижения доступности медицинских услуг для сельского населения.

Число фельдшерско-акушерских пунктов, ед. на конец года

(таблица составлена автором на основе данных Росстата без учета статистической информации по Донецкой Народной Республике (ДНР), Луганской Народной Республике (ЛНР), Запорожской и Херсонской областям)

Table 3

Number of medical and obstetric stations, units at the end of the year

[Compiled by the author based on Rosstat data (excluding statistical information for the Donetsk People's Republic (DPR), Lugansk People's Republic (LPR), Zaporozhie and Kherson Regions)]

	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	CAGR
Федеральный округ														
Российская Федерация	35043	34841	34772	34952	34288	34042	33861	33553	33622	33618	33628	33458	33376	-0,41%
Центральный федеральный округ	7564	7621	7452	7242	7153	7124	7104	6982	7096	7087	7098	7068	7134	-0,49%
Северо-Западный федеральный округ	2563	2443	2393	2391	2337	2297	2265	2259	2415	2438	2448	2461	2465	-0,32%
Южный федеральный округ	2892	2851	2833	3335	3316	3309	3197	3155	2795	2651	2671	2708	2658	-0,70%
Северо-Кавказский федеральный округ	1047	1020	997	995	990	979	996	945	974	972	1041	1042	1117	0,54%
Приволжский федеральный округ	10857	10873	11126	11043	10612	10524	10501	10514	10558	10615	10601	10537	10381	-0,37%
Уральский федеральный округ	2724	2719	2687	2638	2629	2610	2615	2599	2569	2584	2470	2467	2482	-0,77%
Сибирский федеральный округ	5313	5252	5224	5241	5168	5155	5140	5089	5207	5204	5235	5111	5105	-0,33%
Дальневосточный федеральный округ	2083	2062	2060	2067	2083	2044	2043	2010	2008	2067	2064	2064	2034	-0,20%

В качестве перспективных направлений развития можно выделить:

1. Развитие телемедицинских технологий, позволяющих компенсировать нехватку узких специалистов в отдаленных районах.

2. Совершенствование системы фельдшерско-акушерской помощи через модернизацию материально-технической базы ФАПов и повышение квалификации работающего в них персонала.

3. Стимулирование частно-государственного партнерства в сфере сельского здравоохранения, о чем свидетельствует положительная динамика роста негосударственных медицинских учреждений (CAGR +6,14%).

Особое значение приобретает необходимость увязки медицинской инфраструктуры с демографической и социально-экономической политикой развития сельских территорий. Только комплексный подход, учитывающий региональные особенности и современные технологические возможности, позволит обеспечить устойчивое развитие системы здравоохранения в сельской местности России.

Анализ динамики развития организаций культурно-досугового типа в сельской местности России за 2019–2023 гг. выявляет комплексную картину структурных изменений, отражающих общие тенденции трансформации социальной инфраструктуры в условиях сокращения сельского населения (табл. 4).

Наблюдается устойчивое сокращение сети учреждений культуры при одновременной их технологической модернизации, что свидетельствует о пересмотре подходов к организации культурного пространства сельских территорий.

Наиболее выраженная негативная динамика отмечается в сфере библиотечного обслуживания. Количество сельских библиотек сократилось с 4173 до 3585, демонстрируя среднегодовые темпы снижения на уровне –3,73%. Этот процесс отражает как изменение моделей потребления информации, так и общую оптимизацию сети социальных учреждений в условиях депопуляции сельских территорий. В отличие от библиотек сеть сельских музеев демонстрирует относительную стабильность с незначительным ростом (0,41% в год).

Состояние материальной базы культурно-досуговых учреждений характеризуется противоречивыми тенденциями. С одной стороны, отмечается сокращение количества зданий, требующих капитального ремонта (с 7238 до 5842), с другой – сохраняется проблема аварийных объектов, число которых незначительно увеличилось.

Общее количество зданий сократилось с 38230 до 36960. При этом количество помещений осталось практически неизменным (около 233 тыс. ед.), что свидетельствует о процессах оптимизации использования существующих площадей.

Особого внимания заслуживает трансформация зрелищно-развлекательной инфраструктуры. Количество зрительных залов уменьшилось с 35,8 до 34,5 тыс., а их общая вместимость сократилась с 5,47 млн до 5,08 млн мест. Эти изменения отражают как закрытие отдельных учреждений, так и тенденцию уменьшения размеров новых культурных объектов. В то же время сеть клубных формирований демонстрирует относительную стабильность, сократившись всего с 314,4 до 306,8 тыс. ед., что подтверждает сохранение востребованности этой формы досуга среди сельского населения.

Параллельно с сокращением физической сети учреждений культуры происходит их технологическое оснащение. Число организаций с автоматизированными рабочими местами увеличилось с 19,9 до 22,8 тыс. Особенно значительный рост отмечается в сфере интернетизации: доступ в сеть получили 17664 учреждения (против 12528 в 2019 г.), а возможность пользоваться Интернетом для посетителей предоставляют 7184 организации (по сравнению с 5206 в начале периода).

Сведения об организациях культурно-досугового типа в сельской местности
(таблица составлена автором на основе данных ГИВЦ Минкультуры России)

Table 4

Data on cultural and leisure organizations in rural areas

[Compiled by the author based on the data from the Main Information and Computing Center (GIVTs) of the Ministry of Culture of the Russian Federation]

Показатель	2019	2020	2021	2022	2023	CAGR
Число организаций культурно-досугового типа (включая обособленные подразделения), ед.	37601	37166	36952	36669	36363	-0,83%
из них число организаций, занимающихся:						
библиотечной деятельностью	4173	3914	3805	3641	3585	-3,73%
музейной деятельностью	606	612	614	619	616	0,41%
из общего числа организаций имеют:						
автоматизированные рабочие места	19900	20816	21810	22346	22752	3,41%
доступ в Интернет	12528	13285	15720	17007	17664	8,97%
доступ в Интернет для посетителей и участников формирований	5206	5623	6392	6932	7184	8,38%
Число зданий, ед.	38230	37913	37631	37346	36960	-0,84%
из них:						
требуют капитального ремонта	7238	6653	6351	6101	5842	-5,22%
аварийные	649	710	708	720	699	1,87%
Число помещений – всего, ед.	233558	232002	231455	232749	233184	-0,04%
из них:						
требуют капитального ремонта	36413	35353	34065	33182	32484	-2,81%
аварийные	2988	3082	3099	3216	3100	0,92%
Число зрительных залов, ед.	35799	35368	35107	34875	34504	-0,92%
вместимость зрительных залов, мест	5474152	5360733	5280382	5197972	5084891	-1,83%
Число клубных формирований, ед.	314365	308638	309119	308161	306777	-0,61%

Современное состояние культурно-досуговой инфраструктуры сельских территорий отражает сложный процесс адаптации к изменяющимся социально-демографическим условиям. Сокращение сети учреждений сочетается с их технологическим обновлением, что в целом соответствует общемировым тенденциям трансформации культурного пространства. Однако сохраняющиеся проблемы, связанные с состоянием материальной базы, и различия в динамике развития отдельных типов учреждений указывают на необходимость более дифференцированного подхода к культурной политике на селе. Особую актуальность приобретает разработка сбалансированных моделей культурного обслуживания, учитывающих как потребности местного населения, так и реальные возможности муниципальных образований.

Выводы **Conclusions**

Проведенные исследования позволяют сделать вывод о том, что современные процессы трансформации социальной инфраструктуры сельских территорий России представляют собой не просто следствие демографического кризиса, а сложную систему взаимосвязанных и взаимоусиливающих факторов. Анализ динамики социальной инфраструктуры выявил формирование самовоспроизводящегося механизма упадка, при котором сокращение учреждений образования, здравоохранения и культуры не только отражает уменьшение численности населения, но и активно способствует дальнейшей депопуляции.

Научная новизна исследований заключается в том, что:

1. Впервые на основе комплексного анализа данных за период 2000–2025 гг. выявлен и описан самовоспроизводящийся механизм институциональной деградации сельских территорий, где сокращение социальной инфраструктуры выступает не следствием, а катализатором дальнейшей депопуляции.

2. Выявлена и эмпирически подтверждена типология трансформации социальной инфраструктуры, фиксирующая региональные особенности и различные траектории развития для пригородных, промежуточных и периферийных зон.

Основной парадокс сложившейся ситуации заключается в том, что оптимизация социальной инфраструктуры, проводившаяся с целью повышения эффективности использования ресурсов, в условиях сельских территорий привела к противоположному результату. Сокращение сети школ, ликвидация участковых больниц и уменьшение культурных учреждений создали эффект «социального вакуума», значительно снижающий качество жизни и перспективы развития территорий. Особенно тревожной представляется пространственная дифференциация этих процессов, когда относительно благополучные пригородные зоны развиваются за счет катастрофической деградации периферийных районов.

Важнейшим выводом исследований является необходимость принципиального пересмотра подходов к управлению сельскими территориями. Традиционные методы, ориентированные на экономическую эффективность и укрупнение учреждений, в условиях демографического кризиса оказываются контрпродуктивными. Вместо этого требуются:

1. Реализация адаптивной модели социального обслуживания, основанной на сочетании законодательного закрепления минимальных стандартов доступности социальных услуг и внедрения гибридных (очно-дистанционных) форматов их предоставления, что отличает ее от существующих практик, где технологии внедряются без институциональной поддержки и без обеспечения базовой очной доступности услуг.

2. Развитие мобильных форм социального обслуживания через создание системы выездных бригад (врачей, педагогов, культурных работников).

3. Создание дифференцированных региональных стратегий, учитывающих демографические и экономические особенности различных типов сельских территорий, с разработкой соответствующих механизмов финансирования и управления.

Перспективы дальнейших исследований видятся в углубленном анализе возможностей компенсаторных механизмов включая изучение роли местных сообществ в самоорганизации, потенциала частно-государственного партнерства и эффективности различных моделей «умных деревень» в российских условиях.

В заключение следует подчеркнуть, что преодоление институциональной деградации сельских территорий требует не столько увеличения объемов финансирования, сколько изменения парадигмы управления: от принципа «эффективности любой ценой» к стратегии «сохранения качества жизни» как основы устойчивого развития. Реализация предложенной адаптивной модели социального обслуживания позволит разорвать порочный круг депопуляции и создать условия для возрождения российского села.

Список источников

1. Баутин В.М., Романцева Ю.Н. Статистический анализ динамики развития сельского хозяйства России в постсоветский период // *Экономика сельского хозяйства России*. 2016. № 6. С. 26–32. EDN: WAAGUV
2. Nefedova T.G. The transformation of agriculture in Russia: the myths and realities // *Universe of Russia. Sociology. Ethnology*. 2013. Vol. 22. № 1. Pp. 29-60. EDN: PVKGBV
3. Вербицкая О.М. Экономическое развитие российского села в первое десятилетие XXI века // *Труды Института российской истории РАН*. 2024. № 18. С. 393–412. EDN: APKOCC
4. Овчаров А.О., Терехов А.М. Периодизация развития сельского хозяйства РФ в контексте влияния экономических кризисов // *АПК: экономика, управление*. 2021. № 1. С. 62–70. <https://doi.org/10.33305/211-62>
5. Овчаров А.О., Терехов А.М. Влияние экономических кризисов на развитие сельского хозяйства: теоретические подходы и многофакторный анализ // *Вестник Воронежского государственного аграрного университета*. 2022. Т. 15, № 3 (74). С. 129–140. https://doi.org/10.53914/issn2071-2243_2022_3_129
6. Соболев О.С. Спрос на сельскохозяйственную продукцию в период мирового экономического кризиса // *Никоновские чтения*. 2009. № 14. С. 26–28. EDN: OCOTND
7. Будажданаева М.Ц. Демографические тенденции сельских территорий Российской Федерации // *Уровень жизни населения регионов России*. 2024. Т. 20, № 4. С. 612–628. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2024_20_4_10_612_628
8. Карцева М.А., Мкртчян Н.В., Флоринская Ю.Ф. Сельско-городская миграция в современной России через призму количественного и качественного анализа // *Крестьяноведение*. 2024. Т. 9, № 2. С. 153–179. <https://doi.org/10.22394/2500-1809-2024-9-2-153-179>
9. Корчагина Т.А. Современное состояние демографической безопасности в России // *Российский экономический вестник*. 2022. Т. 5, № 1. С. 106–115. EDN: WKHRCC
10. Киреенко А.П., Невзорова Е.Н. Теневая экономика в регионах России: вклад городской и сельской местности // *Регион: Экономика и Социология*. 2018. № 1 (97). С. 191–216. <https://doi.org/10.15372/REG20180109>
11. Сарайкин В.А., Никулина Ю.Н., Янбых Р.Г. Субъективное благополучие сельских жителей в России: факторы и их значимость // *Экономическая социология*. 2023. Т. 24, № 1. С. 71–105. <https://doi.org/10.17323/1726-3247-2023-1-71-105>

12. Липатова Л.Н. Пандемия COVID-19 в России: статистическая оценка прямых и косвенных демографических потерь // *Регионоведение*. 2023. Т. 31, № 1 (122). С. 107–122. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.122.031.202301.107-122>
13. Сабгайда Т.П. Структура избыточной смертности, обусловленной пандемией новой коронавирусной инфекции, у городских и сельских жителей // *Социальные аспекты здоровья населения*. 2021. Т. 67, № 5. <https://doi.org/10.21045/2071-5021-2021-67-5-1>
14. Семченков А.С., Несолена А.К. Санкционное давление и политика обеспечения национальной безопасности РФ в условиях специальной военной операции // *Вестник Российской нации*. 2023. № 1-2 (89). С. 44–61. EDN: KQVRDO
15. Гурнович Т.Г., Кривенко Ю.А. Тенденции развития российского сельского хозяйства в условиях глобального кризиса // *Вестник Академии знаний*. 2024. № 2 (61). С. 141–144. EDN: OYAWTW
16. Повышение конкурентоспособности аграрных предприятий в условиях импортозамещения: Аналитический обзор. М.: ФГБНУ «Росинформагротех», 2024. 118 с. EDN: VHKWKS
17. Вакуленко Е.С., Горский Д.И., Кондратьева В.П., Трофименко И.А. Репродуктивные намерения россиян в 2022-2023 гг.: роль субъективных факторов // *Вопросы экономики*. 2024. № 9. С. 138–157. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2024-9-138-157>
18. Vakulenko E., Gorskiy D., Kondrateva V., Trofimenko I. Periods of High Uncertainty: How Fertility Intentions in Russia Changed During 2022-2023. *Demographic Research*. 2025;52(29):939-970. <https://doi.org/10.4054/DemRes.2025.52.29>
19. Митрофанов С.В., Янбых Р.Г., Орлова Н.В., Николаев Д.В. Демографические вызовы развитию сельских территорий и кадровое обеспечение АПК // *Крестьяноведение*. 2025. Т. 10, № 3. С. 38–67. EDN: FIPUNN

References

1. Bautin V.M., Romantseva Yu.N. Statistical analysis of dynamics of development of agriculture of Russia during the post-Soviet period. *Economics of Agriculture of Russia*. 2016;(6):26-32. (In Russ.)
2. Nefedova T.G. The transformation of agriculture in Russia: the myths and realities. *Universe of Russia. Sociology. Ethnology*. 2013;22(1):29-60.
3. Verbitskaya O.M. Economic development of the Russian village in the first decade of the XXIst century. *Trudy Instituta rossiyskoy istorii RAN*. 2024;(18):393-412. (In Russ.)
4. Ovcharov A.O., Terekhov A.M. The periodization of the development of agriculture in the Russian Federation in the context of the impact of economic crises. *AIC: Economics, Management*. 2021;(1):62-70. (In Russ.) <https://doi.org/10.33305/211-62>
5. Ovcharov A.O., Terekhov A.M. Impact of economic crises on agricultural development: theoretical approaches and multifactorial analysis. *Vestnik of Voronezh State Agrarian University*. 2022;15(3(74)):129-140. (In Russ.) https://doi.org/10.53914/issn2071-2243_2022_3_129
6. Sobolev O.S. Demand for agricultural products during the global economic crisis. *Nikonovskie chteniya*. 2009;(14):26-28. (In Russ.)
7. Budazhanaeva M.Ts. Demographic trends in rural areas of the Russian Federation. *Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2024;20(4):612-628. (In Russ.) https://doi.org/10.52180/1999-9836_2024_20_4_10_612_628
8. Kartseva M.A., Mkrtychyan N.V., Florinskaya Yu.F. Rural-urban migration in contemporary Russia through the prism of quantitative and

qualitative analysis. *Russian Peasant Studies*. 2024;9(2):153-179. (In Russ.) <https://doi.org/10.22394/2500-1809-2024-9-2-153-179>

9. Korchagina T.A. The current state of demographic security in Russia. *Russian Economic Bulletin*. 2022;5(1):106-115. (In Russ.)

10. Kireenko A.P., Nevzorova E.N. Shadow economy in Russian regions: urban and rural areas contributions. *Region: Ekonomika i Sotsiologiya*. 2018;(1(97)):191-216. (In Russ.) <https://doi.org/10.15372/REG20180109>

11. Saraikin V.A., Nikulina Yu.N., Yanbykh R.G. Subjective well-being of rural dwellers in Russia: factors and their significance. *Journal of Economic Sociology*. 2023;24(1):71-105. (In Russ.) <https://doi.org/10.17323/1726-3247-2023-1-71-105>

12. Lipatova L.N. COVID-19 pandemic in Russia: Statistical assessment of direct and indirect demographic losses. *Russian Journal of Regional Studies*. 2023;31(1(122)):107-122. (In Russ.) <https://doi.org/10.15507/2413-1407.122.031.202301.107-122>

13. Sabgayda T.P. The structure of excess mortality due to the novel coronavirus infection pandemic in urban and rural residents. *Social Aspects of Population Health*. 2021;67(5). (In Russ.) <https://doi.org/10.21045/2071-5021-2021-67-5-1>

14. Semchenkov A.S., Nesolenaya A.K. Sanctions pressure and the policy of ensuring the national security of Russian Federation in the context of a special military operation. *Vestnik Rossiyskoy natsii*. 2023;(1-2(89)):44-61. (In Russ.)

15. Gurnovich T.G., Krivenko Yu.A. Development trends in Russian agriculture during a global crisis. *Vestnik Akademii znaniy*. 2024;(2(61)):141-144. (In Russ.)

16. *Improving the competitiveness of agricultural enterprises under import substitution: analytical review*. Moscow, Russia: Russian Research Institute of Information and Technical and Economic Studies on Engineering and Technical Provision of Agro-Industrial Complex, 2024:118. (In Russ.)

17. Vakulenko E.S., Gorskiy D.I., Kondrateva V.P., Trofimenko I.A. Reproductive intentions of Russians in 2022-2023: the role of subjective factors. *Vopreosy Ekonomiki*. 2024;(9):138-157. (In Russ.) <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2024-9-138-157>

18. Vakulenko E., Gorskiy D., Kondrateva V., Trofimenko I. Periods of high uncertainty: how fertility intentions in Russia changed during 2022-2023. *Demographic Research*. 2025;52(29):939-970.

19. Mitrofanov S.V., Yanbykh R.G., Orlova N.V., Nikolaev D.V. Demographic challenges for Russian rural areas and their impact on staffing of agriculture. *Russian Peasant Studies*. 2025;10(3):38-67. (In Russ.)

Сведения об авторе

Митрофанов Сергей Владимирович, канд. с.-х. наук, заведующий отделом экономики инноваций в сельском хозяйстве, Институт аграрных исследований, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский университет "Высшая школа экономики"»; 109028, Российская Федерация, г. Москва, Покровский бульвар, 11; e-mail: smitrofanov@hse.ru; <https://orcid.org/0000-0002-0657-7148>

Information about the authors

Sergey V. Mitrofanov, CSc (Ag), Head of the Department of Economics of Innovation in Agriculture, Institute of Agrarian Research, Higher School of Economics; 11 Pokrovskiy Ave., Moscow, 109028, Russian Federation; e-mail: smitrofanov@hse.ru; <https://orcid.org/0000-0002-0657-7148>